

УДК 330.8 + 339.5

А. И. Сорокин

ПРОТЕКЦИОНИЗМ И ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В XIX ВЕКЕ

По данным агентства «Bloomberg», Американское правительство и ФРС в 2008 г. уже потратили на борьбу с кризисом 4,17 трлн долл. и собираются израсходовать 12,8 трлн. Размеры государственной помощи грозят превысить величину американского ВВП за 2008 г. в 14,2 трлн долл. В последнее время правительства ведущих развитых стран стали осознавать, что их резервы и возможности не безграничны, а потому стараются находить более взвешенные и менее накладные для бюджета решения. Правительство России, следуя общей тенденции, заморозило программу выдачи Внешэкономбанком кредитов для рефинансирования внешних долгов российских компаний и больше не пытается поддерживать отечественный фондовый рынок за счет фонда национального благосостояния.

Если вывести за скобки инструмент финансовой государственной помощи, то в распоряжении Правительства останется не очень широкий, но вполне традиционный арсенал средств управления кризисной экономикой. Важнейшими из них являются повышение пошлин и снижение налогов. И хотя лидеры «двадцатки» говорят и принимают декларации о губительности протекционизма, в действительности всеми руководит желание защитить отечественный бизнес от иностранной конкуренции. В январе 2009 г. мировая торговля, по данным Всемирной торговой организации, упала на 17% по сравнению с январем 2008 г. По прогнозам Всемирного банка и ОЭСР, мировая торговля уменьшится примерно вчетверо сильнее, чем мировой ВВП.

Большое число стран, входящих в ВТО, и те, кто туда не входит, уже прибегли к значительному увеличению как тарифных (пошлины), так и нетарифных барьеров (санитарные и прочие ограничения) на пути импорта. Наиболее популярны ограничения в торговле металлом (ЕС возбудил несколько антидемпинговых расследований против экспорта из Китая, а по ряду позиций ввел запретительные пошлины), а также в секторе импорта некоторых товаров легкой промышленности (одежда и обувь). Канада, Бразилия, Аргентина и ЕС возбудили антидемпинговые расследования против дешевых китайских изделий, спрос на которые с начала кризиса начал расти. В рамках «плана Обамы»

Александр Иванович СОРОКИН — канд. экон. наук, доцент кафедры теории кредита и финансового менеджмента Экономического факультета СПбГУ. В 1977 г. окончил Экономический факультет. В 1992 г. защитил кандидатскую диссертацию. Научные интересы — история финансовой науки, мотивация хозяйственной деятельности. Автор более 40 публикаций.

© А. И. Сорокин, 2009

бюджетные средства должны в основном тратиться на закупку американского металла и других промышленных товаров, производимых в Америке. Индия ввела лицензирование импорта стального проката и изделий из него, Малайзия распространила техническое лицензирование на 5 групп стальных изделий.

В связи с отчетливо обозначившимися тенденциями в экономической политике большинства стран будет нелишне вернуться к накопленному опыту использования протекционистских мер в российской истории. Особенно интересным и многогранным является XIX в.

Таможенное регулирование на протяжении всего XIX в. представляло собой довольно сложный аспект взаимоотношений государства и бизнеса. Государство, являясь субъектом принятия макроэкономических решений, со второй половины XIX в. начинает испытывать давление отечественных предпринимателей и влияние взглядов сторонников определенных экономических доктрин. С другой стороны, доходы самого государства в значительной степени были связаны с принимаемыми решениями, т. е. оно не являлось независимым игроком на экономическом пространстве.

Политика таможенного регулирования в конце XVIII—начале XIX вв., основанная на протекционистской традиции времен Петра I, испытывала на себе влияние частых колебаний внешней российской политики. Внедренная в конце XVIII в. при Павле I запретительная система таможенного тарифа, в 1807 г., после присоединения России к континентальной блокаде Англии, была еще более ужесточена. Однако уже в 1810 г. Россия, по существу, вышла из Тильзитского соглашения, разрешив ввоз английских товаров на нейтральных судах.

С введением таможенного тарифа в 1819 г. начинается недолгий период отхода от практики запретительных протекционистских мер. Однако ряд европейских стран, в нарушение договоренностей Венского конгресса 1815 г. о системе свободной торговли, ввели таможенные тарифы, протекционистские по своей сути. Россия в качестве ответной меры в 1822 г. принимает новый тариф, по которому многие иностранные товары запрещаются к ввозу, а многие другие облагаются запретительными пошлинами.

С 1822 г. в России берет отсчет первый период, продлившийся вплоть до 1849 г. и характеризующийся достаточно жесткими протекционистскими началами, но с постепенной заменой полного запрета ввоза на высокопошлинное обложение. Второй период (1850–1876) — эпоха перехода к умеренно-протекционистской политике, позже характеризовавшейся как фритредерская. Третий период (1877–1900) — это возврат к жесткому, почти запретительному протекционизму. Свою законченную форму данная эпоха получила в таможенном тарифе 1891 г. Необходимо понимать, что указанные периоды не имеют резких, четко выраженных границ, а преобладавшие тенденции брали свое начало в предшествующем периоде.

Тариф 1822 г., с которого берет начало первый период, был жестко протекционистским, запретительным. Не допускались к ввозу многие виды льняных, хлопчатобумажных и шелковых тканей, стеклянные, фарфоровые и фаянсовые изделия, сахар-рафинад и другие товары. Выстроенная на основе запретительной идеологии, таможенная политика оставалась таковой на протяжении всей эпохи правления Николая I. Тем не менее Правительство в фискальных целях было вынуждено снять часть запретительных статей, заменив их высокими тарифными ставками. До введения таможенного тарифа 1822 г. максимальный размер ставок не превышал 15% стоимости импорта, а после введения он вырос до 27%. В 1841 г. все изменения, выносимые Министерством финансов в течение 15 лет, нашли отражение в издании нового тарифа, введенного с 1 января 1842 г. Суть

нововведений заключалась в снятии запретов на ввоз многих товаров с одновременным увеличением ставок в среднем до 30%. Несмотря на резко выраженные протекционистские меры, ввоз товаров, за исключением некоторых лет, стабильно увеличивался (табл. 1).

Таблица 1

Сальдо внешней торговли России за период 1824–1849 гг. (млн рублей)

Годы	Вывоз	Ввоз	Сальдо	Средний размер пошлины (%)
1824	50,3	42,1	+8,2	11,1
1828	50,2	47,3	+2,9	14,9
1832	61,6	43,9	+17,7	23,3
1836	69,4	56,6	+12,8	23,3
1842	74,1	69,9	+4,2	29,6
1846	90,7	71,7	+19,0	30,3
1848	78,5	76,8	+1,7	29,6
1849	85,7	81,9	+3,8	29,9

Составлено по: [7, отд. XIX].

Как видно из табл. 1, сальдо внешней торговли за весь указанный период оставалось стабильно положительным. В 1920-х годах среднегодовое сальдо достигало 2,5 млн рублей при средней таможенной ставке 13% от стоимости ввоза. В 1930-е годы оно увеличилось в среднем до 13 млн рублей при средней ставке таможенного сбора 21%. Наконец, в 1940-е годы среднее превышение вывоза над ввозом составляло 10 млн рублей при ставке в 30%.

В результате протекционистских мер в России получили быстрое развитие некоторые виды производств легкой промышленности — хлопчатобумажное, бумагопрядильное, суконное, шелкоткацкое, писчебумажное и др. [7, отд. XIX, с. 145]. Очевидно, что начали развиваться производства, основанные на использовании относительно дешевого труда, в том числе и крепостного, не требовавшие очень высоких начальных затрат.

С отставкой Е. Ф. Канкрин с поста министра финансов в 1844 г. идеология жесткого протекционизма подверглась переоценке. В апреле 1845 г. был отменен запрет на ввоз ряда товаров фабричного производства и упразднена пошлина на некоторые товары. В 1846 г. отменяются вывозные (экспортные) пошлины на такие традиционные товары российского экспорта, как сало, пенька, лен, кости и др. Одновременно началась работа по подготовке нового тарифа, который и был введен в жизнь с 1 января 1851 г. Число тарифных статей в нем было резко сокращено с 1176 до 442. Из 89 статей запрещенных к ввозу товаров упразднились 76. По 325 статьям пошлины были снижены на 25–50%. Но, как оказалось, этого было недостаточно. Ставки прежнего тарифа были настолько высоки, что пошлины часто превышали стоимость самих товаров. Такое положение дел только поощряло контрабанду, не принося ожидаемого дохода казне. Данное обстоятельство, а также катастрофическое положение с финансами после поражения России в Крымской войне сыграли главную роль при разработке нового тарифа, который был введен в действие с 25 марта 1857 г. В нем отменялось действие всех предыдущих модификаций тарифа 1822 г. Что особенно интересно, его введению, впервые в отечественной истории, предшествовала общественная дискуссия. В ней приняли участие как приверженцы идей

свободной торговли — И. В. Вернадский, Н. Х. Бунге, так и их оппоненты — основатель и редактор журнала «Вестник промышленности» А. П. Шипов, славянофилы, представители российских торгово-промышленных кругов.

Утвержденный Александром II новый тариф отразил перевес сил сторонников умеренного протекционизма. В тарифе вновь упрощалась классификация ввозимых товаров, а число статей было сокращено до 368. Число запрещающих к ввозу статей было уменьшено до 5, а по 299 статьям размер пошлин был уменьшен в среднем на 1/3. В рамках проводимого поворота в таможенной политике в наибольшем размере были обложены импортные товары массового потребления, но выборочно, только те, которые могли конкурировать с аналогичными российскими продуктами. Особенно болезненным следствием введения нового тарифа для предпринимателей явилось разрешение ввоза, запрещенного до этого, иностранного чугуна и железа. Отказ от запретительной системы обосновывался министром финансов П. Ф. Броком благородным стремлением Правительства привить отечественному бизнесу конкурентные навыки. Данная мера, как представлялось чиновникам, должна была улучшить качество и понизить стоимость производимых товаров. Идя дальше по пути либерализации внешней торговли, Правительство в 1859 г. снизило пошлины на чугун и железо разных сортов, а в 1865 г. расширило список беспошлинно ввозимых товаров.

Изменившиеся после отмены крепостного права экономические условия развития страны вызвали в стране промышленный подъем. Экономике потребовались возрастающие поставки машин и оборудования, которое внутри страны не производилось. Поэтому идеология свободной торговли стала рассматриваться как составной элемент промышленной политики государства. Кроме того, будущие таможенные доходы традиционно считались Правительством существенным источником пополнения государственной казны.

Поворот в сторону свободной торговли вызвал серьезное беспокойство среди предпринимателей центра России, где в то время размещалась преобладающая часть обрабатывающей промышленности. Они полагали, что неизбежный наплыв иностранных товаров погубит только становящееся на ноги отечественное производство. Рупором взглядов и мнений отечественного бизнеса стали журнал «Вестник промышленности», редактировавшийся профессорами Московского университета И. К. Бабстом и Ф. В. Чижевским, и ежедневная газета «Акционер».

В 1864 г. в трех номерах «Биржевых ведомостей» был опубликован перевод Записки германского коммерческого съезда о возможности, условиях и перспективах заключения таможенно-торгового договора с Россией (см.: [2]).

Записка излагала историю развития русского тарифа и связанные с ним трудности развития внешней торговли России. Авторы записки изложили основы реформы таможенного и торгового российского законодательства, как она виделась из Германии, а также позицию германского таможенного союза относительно перспектив заключения договора с Россией. Многие предложения разработчиков носили вполне конструктивный характер. Например, предлагалось усилить законодательную защиту прав собственности иностранцев и ослабить монопольное положение в оптовой торговле купцов — членов гильдий путем предоставления прав торговли независимым предпринимателям. Кроме того, авторы Записки, следуя традиции Ф. Листа, требовали снятия запретов на вывоз сырья и сельскохозяйственной продукции из России, а также максимального снижения экспортных пошлин ввиду незначительности поступлений от них в государственную казну.

Однако в целом авторы Записки стремились доказать, что, несмотря на определенные шаги в сторону либерализации, русский таможенный тариф образца декабря 1863 г. не способствует в полной мере оживлению международной торговли России. Довольно недвусмысленно Россия рассматривалась как будущий обширный рынок изделий германской промышленности. Доходы и выгоды российской стороны ставились в зависимость от перспектив роста спроса на экспортируемые российские продукты в Европе.

Главный идеологический тезис, отстаиваемый и развиваемый в Записке, заключался в том, что замена протекционистской системы на более либеральную, в терминологии авторов — целесообразную, является самым простым и верным средством увеличения производительности и благосостояния российских подданных. Назначение России, как оно виделось авторам, состояло в увеличении хлебного экспорта в Европу, а отсюда непреложно вытекало, что развитие сельского хозяйства являлось почти единственным источником накопления капитала в стране.

Обнародование Записки резко активизировало сопротивление готовящемуся договору со стороны российских предпринимателей. В газетах стали появляться записки и статьи, одобренные представителями крупнейших торгово-промышленных домов, в которых проект таможенного договора России с Германией характеризовался как опасный и для внутренней торговли, поскольку таил в себе угрозу подрыва национальных производительных сил. Быстрее всех отреагировали деловые круги крупнейшей в то время Нижегородской ярмарки. Председателем Биржевого комитета Нижегородской ярмарки А. П. Шиповым была подготовлена и опубликована записка о положении дел в льняной отрасли [7].

Представленные в Записке анализ и выводы вышли за рамки положения дел в одной взятой отрасли. В ней прямо указывалось, что главной причиной застоя и упадка торговли после 1857 г. явились низкие таможенные тарифы, допустившие в страну иностранные товары.

Комиссия Нижегородской ярмарки в июле–августе того же года опубликовала отношение биржевых комитетов ведущих бирж страны, таких как Санкт-Петербургская, Рижская, Одесская, Ростовская и другие, к проекту германско-российского таможенного договора [8]. Почти все биржевые комитеты высказались против основных доводов, представленных в записке о заключении торгово-таможенного договора между Россией и Германией.

Наиболее развернутая аргументация в поддержку интересов российского бизнеса была представлена И. К. Бабстом в работе «Мысли о современных нуждах народного хозяйства» [1]. В ней напоминалось, в частности, о шоке российской промышленности после введения тарифа 1857 г. Хотя в работе и отдавалось должное «идеальной истине начал свободной торговли», но идти к этому началу предлагалось постепенно, взвешивая последствия каждого шага. Ссылался автор и на опыт других стран (прежде всего Германии и США), развивших свою промышленность под покровом протекционизма. Сама книга — это первое развернутое обоснование необходимости возврата к политике жесткого протекционизма.

Несмотря на активность промышленных кругов, Министерство финансов при разработке нового тарифа предпочло руководствоваться иными соображениями. Во-первых, в целях ограничения контрабанды разработчики старались соразмерить тарифные ставки со стоимостью ввозимых товаров; во-вторых, выбрали путь упрощения классификации; в-третьих, были уравнены морские и сухопутные пошлины, и, самое главное, были снижены ввозные пошлины с изделий фабричного производства. Согласно тарифу, 16 статей переводились в разряд беспошлинных, по 152 статьям пошлина была уменьшена,

а увеличение коснулось только 35 статей импорта. Как результат — изменение баланса во внешней торговле с положительного значения на отрицательное (табл. 2).

Таблица 2

Сальдо внешней торговли России за период 1850–1876 гг. (млн рублей)

Годы	Вывоз	Ввоз	Сальдо
1850	85	77	+ 8
1851–1856	98	79	+ 19
1857–1868	168	155	+ 13
1869–1876	344	399	– 55

Составлено по: [9, отд. XIX].

В период действия тарифа 1868 г. импорт постоянно превышал экспорт в среднем на 55 млн рублей, или на 16%, что пробивало ощутимую брешь в государственных финансах. Рост производства по многим отраслям замедлился, а по некоторым дал отрицательные темпы.

Вопрос о мерах таможенного регулирования вновь выдвинулся на первый план в середине 1870-х годов в связи с замедлением темпов экономического роста, финансовыми трудностями и бурным развитием промышленности Юга России. В 1874–1875 гг. были выдвинуты предложения промышленников Юга об установлении таможенных пошлин на уголь и кокс, ввозившиеся через порты Азовского и Черного морей. Они были поддержаны представителями отечественного машиностроения.

Запретительные тарифы взамен умеренно-протекционистских, по существу, начали утверждаться с 1 января 1877 г., когда Правительством взимание таможенных пошлин было установлено в золотом эквиваленте, что при тогдашнем курсе было равносильно увеличению таможенных ставок на 30%. Эта мера явилась мощным фискальным инструментом, направленным на увеличение госдоходов.

Кроме того, изыскивая средства для финансирования железнодорожного строительства, Правительство разместило займы за границей, что вынуждало его постоянно искать дополнительные ресурсы для расчета по своим обязательствам. Именно данное соображение, а не интересы отечественного бизнеса обусловили повышение в 1881 г. тарифных ставок на 10%. Тем не менее отечественный бизнес считал эту меру недостаточной. В 1882 г. VII съезд горнопромышленников Юга, II съезд уральских горнопромышленников, всероссийский промышленный съезд и I съезд горнопромышленников Царства Польского солидарно выступили за повышение пошлин на чугун.

Правительство, идя навстречу крупному бизнесу, с 1 июня 1884 г. повысило ввозные пошлины на чугун, а через год, с июля 1885 г. — на большинство ввозимых в Россию товаров на 20%. Однако предпринятое Правительством ужесточение протекционистских мер не удовлетворяло отечественный бизнес, и промышленные круги продолжали воздействовать на Правительство, составляя докладные записки, справки, петиции, а также путем личных просьб на приемах у высших министерских чиновников.

Постепенный переход к очень высоким, почти запретительным ставкам таможенного тарифа принес свои плоды в виде мощного импульса для развития металлургической промышленности, работающей на собственном сырье.

Динамика поступлений в бюджет от уплаты таможенных пошлин оказалась следующей: за период 1869–1871 гг. — 42,3 млн рублей, 1872–1875 — 57,2 млн рублей; за первое

трехлетие после введения уплаты пошлин золотом (1878–1880) поступления возросли до 60,6 млн рублей, а за 1888–1890 гг. — до 80,5 млн рублей, т. е. на треть [9, с. 155].

Выплавка чугуна за 10 лет увеличилась с 28,4 до 56,6 млн пудов, производство железа и стали — с 35,7 до 49,5 млн пудов.

Однако покровительственные меры начали охватывать все большее и большее число производимых товаров. Так, в 1880 г. вводятся пошлины на каменный уголь и кокс, в 1882 г. — на листовую медь. Постепенно повышение таможенных пошлин коснулось большого числа отраслей как тяжелой, так и легкой промышленности.

Политика протекционизма за период 1868–1890 гг. позволила создать и развить в стране многие отрасли производства, увеличить объем промышленного производства более чем в два раза [9, с. 173]. С другой стороны, в стране окончательно оформился предпринимательский слой, требовавший от Правительства учета собственных интересов. В 1882 г. 116 крупнейших торгово-промышленных домов предложили общему собранию Нижегородского ярмарочного купечества представить министру финансов новое ходатайство об упорядочении таможенных тарифов. Отличительной чертой одобренного документа была попытка увязать пересмотр тарифа с необходимостью обновления существующих двусторонних торговых договоров с крупнейшими государствами с точки зрения обеспечения выгод обеих торгующих сторон. Содержание документа обуславливалось дискриминационными мерами экономической и таможенной политики Германии, которые осуществлялись Бисмарком в середине 1880-х годов (повышение пошлин на хлеб, запрещение приема российских ценных бумаг в залог и др.).

Теоретические основания для разработки тарифа были заложены в дискуссионных статьях известных ученых И. И. Янжула и Д. И. Менделеева, вышедших в 1884 г.

Д. И. Менделеев в своей аргументации исходил из того, что только государство является носителем общественных интересов, а потому «историческое развитие страны зависит от правительственных инициатив» [4, с. 7]. Для этого, полагал Менделеев, покровительственного тарифа, как бы высок он ни был, недостаточно. Необходимо создать отдельное Министерство промышленности, некое подобие супермонополии, в руках которого были бы сосредоточены все законодательные и экономические полномочия, включая право устанавливать и пересматривать таможенные пошлины. Запретительные протекционистские пошлины не только полезны, но и крайне необходимы для России. Обсуждаться может скорость их введения и широта применения, полагал Менделеев, но не целесообразность такого шага.

Позиция И. И. Янжула — более осторожная и взвешенная. В центр обсуждения автор ставит «вопрос о значении и целесообразности покровительственных пошлин» [10, с. 3]. В качестве примера Янжул приводит Англию. Эта страна, несмотря на промышленную революцию конца XVIII в., и мощный идеологический фундамент в виде «Богатства народов» А. Смита, вплоть до начала 30-х годов XIX в. придерживалась политики протекционизма, постепенно переходя к системе свободной торговли. Подробно рассмотрев доводы как противников, так и сторонников протекционизма, Янжул приходит к выводу, что обе системы — протекционизм и фритредерство — имеют право на существование. При этом история индустриального развития развитых государств ясно показывает, что протекционизм является необходимой составной частью промышленной политики на пути ее трансформации во фритредерство. Его использование требует определенных рамок и ограничений.

Во-первых, пошлины на ввоз не должны быть слишком высокими, что чревато консервацией технологической отсталости промышленности. Во-вторых, со временем пошлины

должны понижаться вплоть до полного упразднения. В-третьих, каждая статья тарифа должна быть строго дифференцирована, иметь свою ставку, устанавливаемую на основе статистических данных. И, наконец, введение таможенных пошлин не должно носить форму цепной реакции, когда одно увеличение влечет за собой другое.

Временный и умеренный характер протекционистских мер у Янжула и запретительный и бессрочный у Менделеева — основной пункт расхождения взглядов ученых на исследуемый предмет.

Пожелания отечественного бизнеса были, в конечном счете, учтены при разработке нового тарифа. Министр финансов И. А. Вышеградский, возглавлявший тарифную комиссию, представляя проект таможенного тарифа в марте 1891 г., подчеркнул взаимосвязь успехов российской промышленности с усилением протекционистских мер в 1880-е годы.

Идеологом и научным руководителем реформы стал Д. И. Менделеев — самый яркий и последовательный представитель протекционистских взглядов того времени. Ему было поручено составление Записки об общих основаниях реформы, поскольку проблема взаимосвязи таможенной политики с экономическим развитием страны исследовалась ученым с начала 1880-х годов. Предваряя обсуждение проекта, Менделеев опубликовал объемную научную работу, где наряду с анализом отдельных статей тарифа представил теоретическое обоснование необходимости использования жестких протекционистских мер [5].

Первой и главной протекционистской целью признавалась защита наиболее жизнеспособных отраслей промышленности. «Я стою, — подчеркивал Менделеев, — за рациональный протекционизм» [5, с. VIII]. Данный тип протекционизма возможен при двух условиях. Во-первых, требуются естественные предпосылки развития определенного производства в стране; во-вторых, он должен вести к усилению конкурентных начал в данной отрасли производства.

Второй целью тарифной реформы рассматривалось повышение фискальных доходов казны. Фискальные пошлины, как законный и повсеместно применяемый вид налогов, нередко могут инициировать рост внутреннего производства, при этом таможенная пошлина может рассматриваться как своеобразная премия за проявленную инициативу отечественным предпринимателям. В результате таможенные пошлины, ложась на покупателей иностранных товаров, частично могут уменьшить налоговое бремя всего населения, и в то же время дают возможность стране развить свои производительные силы. Указывая на таможенные пошлины как на источник фискального дохода, Менделеев оговаривался, что не всегда повышение пошлин ведет к повышению дохода. Только развитие производства в стране и перенесение на него налогов способны возместить государству выпадающие таможенные доходы из-за запретительных ставок на ввозимые товары.

В ходе тарифной реформы 1891 г. понижения ставок были сделаны для 42 видов ввозимых товаров, а повышение — для 291 (51,8%). Правда, повышения не были столь значительными, как в 1868 г. Для 14,5% ввозимых товаров повышение составило 11–25%, для 11% — до 10%, и только для менее десятой части повышение оказалось очень значительным — от 25 до 50%.

Ставки таможенных пошлин относительно стоимости ввозимых товаров непрерывно росли с 1869 г. и достигли своего максимума (37%) во втором полугодии 1891 г. [9, отд. XIX].

Тариф 1891 г. подвел своеобразный итог протекционистской тенденции, взявшей начало в экономической политике государства с 1868 г. Первая особенность его связана

с увеличением пошлин на некоторые товары до запретительного уровня, несмотря на сокращение ввоза. Вторая — это повышение пошлин на товары, не производимые отечественной промышленностью. Данный феномен определяется как протекционизм наперед. Третья особенность выразилась в обеспечении сверхдоходов отечественным предпринимателям. В терминологии Менделеева это называлось «избыток покровительства». Четвертая заключается в том, что, несмотря на декларируемые цели, фискальной направленности в тарифе 1891 г. преодолеть не удалось. Пошлины с товаров первой необходимости в 1892 г. составили 64,5% от стоимости ввоза, с товаров фабрично-заводского производства 30,5%, а с сырья и полуфабрикатов — 20,5% [9, с. 220]. Из общей суммы 82,32 млн рублей таможенных доходов в 1892 г. почти три пятых (48,6 млн рублей) имели явно выраженный фискальный характер.

Эпоха господства жестких протекционистских мер в государственной экономической промышленности оказала сильное влияние на темп и формы промышленного развития России. Интенсивный рост производства в последнюю четверть XIX в. наблюдался в двенадцати отраслях, прежде всего в отраслях тяжелой промышленности. Значение нового тарифа для развития национальной промышленности было высоко оценено, в первую очередь, в предпринимательской среде, и самими идеологами и творцами реформы. Д. И. Менделеев в статье 1894 г., которая была посвящена памяти императора Александра III, подчеркивал, что «протекционистская политика, направленная на всемерное развитие и оживление всех отраслей национальной экономики, должна быть всецело поставлена ему в заслугу» [6, с. 2].

Российское правительство, проанализировав в 1899 г. результаты проводимой таможенной политики, одобрило направление и динамику развития промышленности, закреплённые и стимулируемые таможенным тарифом 1891 г. Было признано необходимым и в дальнейшем опираться на принципы протекционистской политики — залог экономического развития страны в будущем.

В том же 1899 г. С. Ю. Витте издал известную и, наверное, свою главную работу «Национальная экономия и Фридрих Лист». Исторически она появилась на свет когда не только обозначилась форма, но уже появились определенные результаты проводимой экономической политики. Однако Витте не касается итогов проводимой им политики. Его работа — идеологическое закрепление правомерности выбранного курса.

Чтобы до конца понять позицию С. Ю. Витте, надо помнить, что сам он являлся не только государственным деятелем, но и крупным сановником Российской империи. Отличительная черта его взглядов — последовательная приверженность методам государственного регулирования вообще и в России в частности. Такое понимание своей миссии на высших постах государственной власти связано с присущей ему приверженностью к просвещенной монархии и механизму достижения стоящих перед ней задач.

Применительно к России С. Ю. Витте придерживался логики представителей немецкой исторической школы, таких как В. Рошер, Б. Гильдебрандт, К. Книс, Г. Шмоллер и, конечно, Ф. Лист. Все они строили свои конструкции в виде строгой последовательности этапов экономического развития народов. То, что хорошо для одних народов, может быть бесполезным и даже вредным для других. В этом суть идеологической преемственности С. Ю. Витте и немецких историков. «История указывает, — писал Витте, — что последовательный переход наций...совершается лучше всего посредством свободной торговли...но установление в стране более или менее совершенной мануфактурной промышленности, создание значительного национального флота и развитие всесветной торговли нигде не достигалось и не может быть достигнуто иначе, как посредством государственного

содействия. Это содействие и выражается установлением протекционистской системы, заключающейся в таможенных пошлинах, различных премиях и т. п. Без протекционистской системы ни одна страна не переходила из земледельческого состояния в состояние значительного развития» [3, с. 52]. И чуть ниже: «...история свидетельствует, что система эта представляет собою средство к национальной независимости и могуществу» [2, с. 53].

Если оставаться в рамках научной методологии обсуждаемой проблемы, то работа С. Ю. Витте должна была предварять дискуссию Д. Менделеева и И. Янжула. Однако, поскольку автор являлся не сторонним наблюдателем и не академическим ученым, а живым заинтересованным проводником изложенных им идей, то работа должна трактоваться как методологическое обоснование не просто таможенной, но и промышленной государственной политики. Тем более, что в активе С. Ю. Витте — 5-е место в мире по уровню промышленного производства и высокая динамика экономических показателей России вплоть до начала Первой мировой войны.

Безусловно, как и при любой выбранной стратегии, не могли не появиться негативные моменты.

С принятием таможенного тарифа 1891 г. Россия превратилась в страну с самыми высокими таможенными ставками среди всех развитых стран того периода. Поскольку российская экономика демонстрировала рост, то Правительству оказалось удобным решать свои фискальные проблемы под покровом протекционизма.

Удельный вес таможенных поступлений, возrastавший начиная с 1869 г., к концу столетия достигает трети всех доходов государственного бюджета [9, с. 5]. Способствуя развитию отечественной промышленности, таможенные пошлины постепенно меняют свою функцию, превращаясь в инструмент фискальной политики государства.

Увеличение таможенных пошлин на сырье и фабрикаты с 18% в 1888 г. до 31% в 1898 г. шло вразрез не только с воззрениями родоначальника «национальной школы в политэкономии» Ф. Листа, но и с многовековой торговой практикой европейских стран, таких как Голландия, Англия, Франция и др. Одновременно облагать пошлинами и ввоз сырья и изделия из него означало многократно увеличивать стоимость товара. Кроме прочего, если сырье добывается в стране, то поощрение его добычи излишне. Если сырье в стране отсутствует, тогда пошлина бесполезна.

Так постепенно жесткие протекционистские меры относительно тяжелой обрабатывающей промышленности были заменены мерами по ее защите от конкуренции.

Однако нельзя не признать, что проведенная тарифная реформа 1891 г. подготовила условия для промышленного рывка России, незамедлительно последовавшего за денежной реформой 1895–1897 гг. Безусловно, монопольное положение российского бизнеса обеспечило ему и монопольные прибыли, но иного способа выживания для отечественной промышленности в обострившейся конкурентной борьбе с международными монополиями Правительство просто не видело. Реализовав жесткие протекционистские меры, оно предоставило шанс отечественному бизнесу, которым тот воспользовался.

По прошествии более чем столетнего периода приходится признать, что сегодня, в начале XXI в., Россия опять находится в шеренге так называемых «догоняющих стран». Реализация подобных протекционистских мер сегодня уже вряд ли позволит России, как это было в XIX в., за 10–15 лет встать в ряд технологически передовых стран. Слишком далеко ушли современные технологии. Да и современных Морозовых, Гучковых и Рябушинских явно не хватает. Однако в эпоху полной капитуляции мировых рынков перед экспансией дешевых китайских товаров иной меры инициирования внутреннего

предложения и спроса в краткосрочном периоде в арсенале экономического регулирования просто не существует. Поэтому слова С. Ю. Витте о том, что большая нация должна базировать свою экономическую жизнь на внутреннем производстве и потреблении, должны восприниматься сегодня уже не как призыв к возрождению реального сектора экономики, а как грозное предупреждение о неизбежном поглощении страны многомиллиардным, могущественным и растущим восточным соседом. Достаточно ничего не делать, а действие второго закона термодинамики завершит начатое.

-
1. *Бабст И. К.* Мысли о современных нуждах народного хозяйства. СПб., 1865.
 2. Биржевые ведомости. 1864. № 75, 79, 82. 17, 21, 24 марта.
 3. *Витте С. Ю.* Национальная экономия и Фридрих Лист. СПб., 1899.
 4. *Менделеев Д. И.* О возбуждении промышленного развития России // Вестник промышленности. 1884. № 2.
 5. *Менделеев Д. И.* Толковый тариф. СПб., 1891.
 6. *Менделеев Д. И.* Подъем русской промышленности в царствование императора Александра Александровича // Новое время. 1894. 26 авг. № 6703. С. 2.
 7. Нижегородский ярмарочный листок. 1865. № 7, 9, 10. 22, 25, 27 июля.
 8. Нижегородский ярмарочный листок. 1865. № 11, 12, 14, 17, 23, 31. 29–30 июля, 1, 5, 13, 22 августа.
 9. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1893.
 10. *Янжул И. И.* Свободная торговля и покровительственная система // Вестник промышленности. 1884. № 5.

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2009 г.